

ГЕННАДИЙ КАЗАНЦЕВ

МЕСТО ИСТИНЫ

ФИВЫ, 1165 ГОД ДО НАШЕЙ ЭРЫ

КНИГА ПЕРВАЯ

Геннадий Казанцев

Место Истины

<https://litres.ru/74394983>

SelfPub; 2026

Аннотация

Прораба-демонтажника завалило под старым комбинатом, а откопался он в Египте — у стены посёлка, где рубят царские гробницы. Всю жизнь он разбирал построенное навсегда. Теперь он смотрит, как это строят.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Снаружи. Глава 1. Кровля	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Геннадий Казанцев

Место Истины

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Снаружи. Глава 1. Кровля

Первое, что он сделал, придя в себя, — не открыл глаза, а пошевелил пальцами ног.

Он даже не решал этого. Так его научили в две тысячи десятом, в Каменске, когда с ним рядом на плите оказался мужик со сломанной спиной и лежал, ничего не понимая, и пытался встать. С тех пор Максим знал порядок: пальцы, стопы, колени, таз. Потом руки. Потом уже голова.

Пальцы шевелились. Стопы тоже. Колени сгибались, левое с болью, но сгибались.

Таз держал.

Он выдохнул и позволил себе открыть глаза.

Разницы не было никакой.

*

Темнота была полная.

Не сумерки, не темнота комнаты с задёрнутыми шторами, а та, в которой глаз перестаёт работать вообще и начинает подсовывать пятна и разводы, чтобы не сидеть без дела.

Он полежал, дожидаясь, пока пятна успокоятся, и стал разбираться дальше.

Правая рука работала. Левая работала до плеча, а в плече отдавало, и он ощупал его свободной рукой: ключица целая, сустав на месте, значит, ушиб.

Голова. Каска была на нём. Он потрогал её сверху — вмятина в ладонь, и по вмятине шло крошево. Значит, прилетело, и прилетело крепко, и если бы он снял каску, как снимают её в конце дня девяносто человек из ста, разговаривать было бы не с кем.

Затылок мокрый. Он потрогал, понюхал палец. Кровь.

Ребро слева отзывалось на вдох. Не сильно.

Он полежал ещё немного и сказал вслух:

— Ну, живой.

Голос вышел чужой и сел, потому что во рту была пыль. Пыль была везде: в носу, в зубах, под веками. Он попробовал сплюнуть и не смог, потому что было нечем.

*

Дальше он стал смотреть комнату.

Смотреть в темноте — это не оборот речи, это профессия. Максим восемнадцать лет заходил в помещения, которые вот-вот перестанут быть помещениями, и научился читать их без глаз: по звуку шагов, по тому, как отзывается голос, по движению воздуха, по запаху.

Он сел, привалившись спиной.

Спина упёрлась во что-то ровное и холодное.

Он провёл ладонью.

Стена. Гладкая, но не гладкая как бетон, а гладкая как сухая штукатурка, и не сплошная: под пальцами шли неглубокие борозды, много, длинные, параллельные, чуть наискось.

Он поводил рукой шире. Борозды шли по всей стене, полосами, и в одном месте полосы менялись направлением — как будто тот, кто их делал, перехватил инструмент поудобнее.

Максим прижал ладонь плотнее и постучал костяшкой.

Звук вернулся глухой и близкий: массив. Не перегородка, не блок. Скала.

Он поскрёб ногтем.

Из-под ногтя пошло легко, мелким, и пальцы сразу сделались как в муке.

Известняк.

Он даже слегка расслабился, потому что вот тут всё сходилось.

*

Комбинат стоял на известняке.

Он это знал ещё до захода на объект — читал в отчёте, который сам же и требовал у заказчика полгода, и получил в итоге сканы, где половина страниц была вверх ногами. Мячковский горизонт, белый камень, тот самый, из которого стояла половина старой Москвы.

И, как везде, где он лежит близко к поверхности, его отсюда веками брали.

Под комбинатом были каменоломни. Старые, ручные, копаные ещё до всякого комбината. В отчёте они значились одной строчкой: «отмечены пустоты, не обследованы».

Не обследованы. Разумеется.

Именно из-за этой строчки он и полез вниз.

*

Он вспоминал это, сидя в темноте, и вспоминал по порядку, потому что помнил плохо и надо было восстановить.

Четырнадцатое ноября. День был мерзкий: минус два, мокрый снег с дождём, темнеть начало в четыре.

Валера разбирал старый обвязочный узел у второй силосной, и в какой-то момент под гусеницей просело. Не провалилось — просело, на полметра, углом. Валера сдал назад и вызвал его по рации, и голос у него был очень нехороший.

Максим пришёл, посмотрел и увидел то, чего не любил больше всего на свете: аккуратную чёрную щель по краю плиты. Из щели шёл воздух. Тёплый.

Значит, внизу пустота, и пустота немаленькая, потому что тянет.

По-хорошему надо было остановить всё и вызывать геофизиков. По-хорошему.

Он подошёл к бытовке, сказал бригаде, что на сегодня всё, и они уехали в семнадцать десять, а он остался с Валерой, потому что завтра на это самое место надо было заводить сорокатонник, и вопрос был не «интересно ли», а «встанет он тут или уедет вниз».

Никакой удали в этом не было. Была работа, которую надо сделать сегодня, потому что послезавтра придет заказчик.

Он взял фонарь, стропу, карабин, рацию. Стропу закрепил за косынку колонны. Валера держал конец и стоял наверху.

Он спустился на семь с чем-то метров и оказался в старой выработке.

*

И вот тут он опять вспомнил — уже отчётливо — что в выработке ему понравилось.

Она была хорошая.

Ходы шли ровно, в рост, кровля лежала слоем, целики стояли на своих местах, и стояли они, судя по всему, лет двести. Никаких обрушений, никакого мусора, сухо, воздух свежий. Кто-то давным-давно взял отсюда камень и ушёл, и с тех пор здесь ничего не происходило.

Он прошёл шагов сорок, вышел на пересечение, замерил рулеткой ширину, записал в телефон.

И сверху пошло.

Это была не выработка. Это была плита.

Всё, что он потом смог восстановить: сначала звук, короткий, как будто кто-то наверху уронил очень тяжёлое; потом воздух ударил в спину, потому что пошедшая масса выдавила его по ходу; потом он побежал; потом фонарь погас, и дальше он не помнил ничего.

*

Максим сидел в темноте у стены и заканчивал восстанавливать.

Итог получался такой.

Плиту он на себя обрушил, но не насмерть: значит, ушёл достаточно далеко и его накрыло краем. Он жив, ходит, кости целы. Фонарь погас. Наверху Валера, у Валеры телефон и старший объекта на быстром наборе, и он уже часа два, наверное, орёт в трубку.

Значит, надо просто сидеть и не мешать людям себя доставать.

Он посидел с этим и понял, что не может.

*

Он полез по карманам.

Телефон нашёлся в нагрудном, и он на него даже не надеялся, и не зря: экран не отозвался.

Рация была на поясе. Он снял её, нажал, дунул в микрофон.

Ничего. Ни щелчка, ни шороха. Он открыл заднюю крышку на ощупь — аккумулятор был на месте, значит, дело не в нём.

Нож. Рулетка. Карабин на поясе, а стропы нет: срезало или оторвало.

И зажигалка.

Обычная, синяя, за тридцать рублей, потому что нормальные он терял по две в неделю.

Он подержал её в руке, зачем-то потряс и щёлкнул.

*

Огонь встал ровно.

Это было первое, что он отметил, и отметил профессионально: пламя стояло, не трепетало. Значит, тяги нет, значит, здесь тупик или почти тупик.

Второе — что комната маленькая.

Он ожидал выработки: широкой, с целиками, с уходящими в темноту ходами. Ничего этого не было.

Он сидел в комнате шагов пяти на четыре.

Стены ровные, вертикальные, обработанные. Потолок плоский, в полутора метрах над головой сидящего, и он тоже был обработан: по нему шли те же борозды, только положенные крест-накрест, аккуратно, до самых углов.

Углы были углы. Прямые.

Пол ровный, и на полу — щебень, крошка и пыль, много, и всё это лежало не по всему полу, а холмом, у одной стены, будто ссыпали.

Прохода не было. Ни одного. Комната была замкнутая.

Зажигалка обожгла палец, и он отпустил.

*

Он сидел в темноте и очень медленно соображал.

Так каменоломни не выглядят.

В каменоломне берут камень: идут по пласту, оставляют целики, ходы получаются кривые, потолок неровный, стены — как отвалилось. Никто не выравнивает стену, из которой ты только что выпилил блок, и никто не ровняет углы. Неза-

чем.

А эту комнату не вырубили, чтобы взять камень. Её вырубили, чтобы она была.

Он снова щёлкнул и подошёл к стене вплотную, поднеся огонёк к самому камню.

И вот тогда у него в первый раз за вечер стало нехорошо внутри.

*

Борозды были следом инструмента, тут сомнений не возникало. Ширина одинаковая, миллиметров восемь-десять, и шли они внахлёст, ряд за рядом, наискось.

Максим видел в жизни сотни таких поверхностей. Он умел с одного взгляда сказать, чем работали: отбойником, перфоратором, канатной пилой, дисковой, кувалдой с клином, зубилом.

Здесь работали зубилом. Ручным.

Это его не удивило — старые каменоломни рубили руками, никаких машин там не было и быть не могло.

Удивило другое.

Каждая борозда была короткая. Очень короткая — сантиметра три, не больше, и заканчивалась не сколом, а сходила на нет.

Он поднёс палец и провёл поперёк.

Так работает мягкий инструмент.

Сталь входит в известняк и идёт, снимая длинную стружку, и оставляет после себя чистый ровный след в ладонь дли-

ной. А тут кто-то бил, и бил, и бил, и снимал по чуть-чуть, и на квадратный метр этой стены ушло не двести ударов, а тысячи.

Медь так работает. Бронза так работает.

Сталь так не работает никогда.

*

Максим отпустил зажигалку, сел на пол и сказал вслух, спокойно, потому что был спокойный человек:

— Так. Не гони.

Он стал перебирать варианты, и вариантов было три.

Первый: он ошибается. В темноте, при зажигалке, после удара по каске — запросто. Утром при нормальном свете он посмотрит и посмеётся.

Второй: это не каменоломня, а что-то ещё. Погреб под усадьбой, подвал старой церкви, монастырский ход. Мало ли что могло стоять на этом месте до комбината, и мало ли чем его рубили в семнадцатом веке.

Второй вариант ему нравился. Второй вариант всё объяснял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.